

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(27)

2014

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

- В. Ю. Апресян.*
Тут, здесь и сейчас. О временных значениях
пространственных дейктических слов 9
- Е. А. Гришина.*
Вертикальная ось в жестикуляции: лингвистический аспект 42
- Д. В. Сичинава.*
«Увы, для них это всё плюсквамперфект»:
лингвистический термин как языковой образ 90
- А. А. Козлов.*
К грамматической семантике старославянских
конструкций *хотѣти/имѣти* с инфинитивом 122
- Я. А. Пенькова.*
К вопросу о семантике так называемого
будущего сложного II в древнерусском языке
(на материале «Жития Андрея Юродивого») 150
- Е. А. Власова.*
Инфинитив и сослагательное наклонение в косвенной речи
в русских летописях XI—XVI вв. 185
- А. П. Майоров.*
Явления устно-разговорного синтаксиса
в языке деловой письменности XVIII века
(по памятникам Забайкалья) 206
- Т. И. Афанасьева.*
К вопросу о месте и времени славянского перевода
Евхология Великой церкви 237
- В. Л. Васильев.*
Этимологические наблюдения над лексикой и топонимией
русского Северо-Запада и Севера. II.
(Гидронимы на *Лин-*, термины *налым, налье, налой*) 252
- М. А. Бобрин.*
Лих ли поп Упырь? (Значение эпитета *лихыи*
в записи писца Толковых пророков) 265
- И. А. Горбушина.*
О происхождении фразеологизма *втереть очки* 273

Информационно-хроникальные материалы

- Международный научный семинар «Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения: к 175-летию со дня рождения Ватрослава Ягича» (Н. В. Патроева, А. С. Кулева).....284

Из истории науки

- Л. Ю. Астахина.
Редактирование и дополнение А. И. Соболевским
«Словаря столового обихода Московской Руси XVI—XVII вв.»
Н. А. Смирнова.....290

Рецензии

- Н. Михайлов. Творительный падеж в русском языке XVIII века
(Е. В. Рахилина)305

Новые книги

- Marguerite Guiraud-Weber. Essais de syntaxe russe et contrastive
(Д. В. Сичинава).....313
- Сведения об авторах / Authors316
- Правила подачи статей / Notes for contributors318

Valentin
Tut
On
Elena A
Ver
Dmitriy
«Al
a lin
Alexey
On
xoté
Yana A
Tow
sem
(on
Ekateri
the
of in
Alexan
Phe
of t
Tatyana
On
of t
Valery
Ety
of t
(Hy
Marina
Pop
of t
Irina A
On

РЕЦЕНЗИИ

Никита Михайлов. Творительный падеж в русском языке XVIII века.
Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2012. — 296 p. —
(Studia Slavica Upsaliensia, 47)

Рецензируемая книга подготовлена в Уппсальском университете в лучших традициях скандинавской русистики: из сравнительно недавних публикаций того же рода на близкую тему, см., в частности, работу Людмилы Ферм [Ферм 2005] (и обстоятельную рецензию на нее В. М. Живова [Живов 2006]). В книге Никиты Михайлова тщательно собраны и подробнейшим образом проанализированы употребления творительного падежа в языке XVIII века — прежде всего те, которые претерпели изменения в истории русского языка в этот период или впоследствии. Это комплексное исследование: оно опирается на анализ имеющихся грамматических описаний (грамматики — А. А. Барсова, М. В. Ломоносова, Н. И. Греча и др.), историко-лингвистические работы А. А. Потебни, А. М. Пешковского, В. И. Борковского и многих других, специальные работы, посвященные русскому творительному (известный сборник под ред. С. Я. Бернштейна, монографии А. Вежбицкой, Р. Мразека, Л. Янды и др.), а также, что особенно ценно, на собственный материал автора.

Во введении сказано, что в рамках данного проекта проанализировано 10 900 страниц текстов XVIII в. Конечно, в век корпусных технологий трудно вести подсчеты в страницах — естественнее в словоформах, — но все равно можно приблизительно представить себе объем разобранного материала. Если исходить из того, что обычная современная страница русского текста — это

400 слов, то почти 11 тыс. таких страниц — это около 4,5 млн словоупотреблений. Даже если наши подсчеты слишком приблизительны и не учитывают коротких поэтических строк (а поэзии в этих текстах 31%, т. е. практически треть) и малоформатных страниц, видно, что объем текстов, на основе которых сделаны выводы, никак не меньше миллиона словоупотреблений — а это, конечно, достаточно для такого исследования. Причем, как следует из косвенных замечаний автора, в основном сортировка примеров производилась вручную: электронного корпуса текстов, который имел бы разметку и существенно облегчил эту работу, видимо, не было. Сплошной выборке подвергалась четверть всего объема текстов, а весь остальной массив был своего рода «контрольным»: в нем автор искал подтверждения своим гипотезам. Всего проанализировано 11 300 предложений с творительным (огромный массив, значительная работа!). Замечательно, если бы в результате они были бы сведены в единую размеченную и открытую для следующих поколений лингвистов базу данных, но, кажется, пока таких традиций в русистике еще нет¹. Но и сейчас это довольно

¹ Пожалуй, единственным исключением является только что вышедшая книга по следам трехлетнего проекта, организованного Лорой Яндой в университете Тромсе (Норвегия) [Janda et al. 2013]. В проекте участвовали (и значатся как соавторы книги)

подробный и хорошо иллюстрированный справочник по проблемам, связанным с творительным падежом — и шире, вариативности предложно-падежных форм в русском языке XVIII века.

Идея автора была в том, чтобы, оставив в стороне морфологическую вариативность (о ней сказано на нескольких начальных страницах), сосредоточиться на семантике творительного и отдельных предложно-падежных конструкциях. Поэтому в основу оглавления была положена семантико-синтаксическая классификация значений этого падежа, принятая в русистике, а акцент делался на тех конструкциях с творительным, которые претерпели наибольшие изменения в семантико-синтаксическом отношении. Надо сказать, что в последнее время исследователи творительного, в общем, не спорят о числе его значений (их выделяют около 20), но в работе есть своя особенность: она в том, чтобы объединить предложные и беспредложные контексты одной семантики. Поэтому хотя автор и пишет (с. 30), что

Анна Эндерсен, Юлия Кузнецова, Ольга Ляшевская, Анастасия Макарова, Туре Нессер и Светлана Соколова. Книжка вышла очень небольшой по объему, несмотря на обширнейшую тему семантики русских приставок и огромный языковой материал, который лег в ее основу. Но материал в ней обсуждается с теоретических позиций, а целиком он доступен в базах данных, которые открыты в Интернете (<http://emptyprefixes.uif.no/book.htm>). Эта публикация впервые вводит в русистику полезную практику, которая уже давно существует в мировой лингвистике (а еще раньше — в экспериментальных областях мировой науки, связанных с большими объемами данных): в журналах публикуют очень короткие статьи, суммирующие полученные результаты, а в интернете размещают к ним приложения в виде развернутых иллюстраций, полных списков необходимых классов объектов, баз данных и проч.

для него основополагающим является синтаксический принцип, на самом деле (и это кажется очень удачным и для структуры книги, и для исследования в целом), пожалуй, семантический принцип оказывается не менее важным. Как видно уже из подробного оглавления, в работе рассматриваются практически все подклассы употреблений, частные конструкции, глагольная сочетаемость — в этом отношении работу Н. Михайлова можно с полным правом назвать корпусно-ориентированной.

Несколько слов о текстовой коллекции автора: художественная проза составляет 13,5%, драма — 2,5%, мемуары и письма — 32%, дидактическая литература — 3%, научная — 18%, поэзия — 31%. Почти нет переводов, для которых особенно остро встает проблема калькирования, и, в общем, по тем же причинам — официально-деловых текстов. В наименьшей степени тексты отражают период первой трети XVIII века (до 1735 года), более широко представлено десятилетие 1740—1750, а лучше всего — екатерининская эпоха. В работе учитывались также произведения рубежа XVIII—XIX века (в первую очередь, Н. М. Карамзина) и, на их фоне, материал Национального корпуса русского языка, позволяющий производить сравнение старой нормы с современной.

Исследуются следующие типы употреблений творительного: неадвербиальные (вторая глава), адвербиальные (третья глава) и приименные (четвертая глава).

В класс неадвербиальных включаются прежде всего предикативные, «логического субъекта» (агентивного дополнения в пассивной конструкции), объекта при разных типах глаголов и инструментальные; в класс адвербиальных — образа действия, причины, странства, времени, цели и ряд приименных употреблений; в небольшой

четвертой главе рассматриваются творительный меры (*годом позже*), комитатив, творительный в ограничительном значении (*моложе летами / чином*) и некоторые другие, периферийные употребления.

Предикативным употреблениям посвящен один из самых больших разделов, в нем произведена подробная фиксация и мониторинг изменений в употреблении творительного — при связке и в бессвязочных сказуемых, при формах прошедшего и будущего времени глагола *быть*. Приведены и примеры употреблений при полузнаменательных и полнозначных глаголах, расклассифицированные по разным типам предикатов (называния, преобразования, выявления и пребывания). Теоретики называют эту конструкцию депиктивной и, отмечая ее крайнюю нестандартность, предлагают разные подходы к ее описанию в современном русском языке, часто с учетом диахронического материала (ср. [Krasovitsky et al. 2008]), пытаются описать ее в рамках разных лингвистических подходов: формальной семантики, формального синтаксиса, когнитивной лингвистики и под. Основные из этих работ упомянуты — для того, чтобы дать читателю возможность соотнести предлагаемый в книге материал с теми выводами, к которым пришли авторы конкретной гипотезы, но сам Н. Михайлов не входит в детали обсуждения и интерпретации конкретных языковых наблюдений.

В этом есть свой стиль и позиция, которая принята в книге: теория, обобщение — это то, что придет следом за тщательным, строгим и подробным изложением фактов. Интерпретаций много, они — дело читателя и стимул для него с увлечением прочесть эту книгу, открывая для себя в ней новые и новые параллели, многие из которых, не сомневаясь, приходили в голову и самому ее автору.

Очень интересно, например, думать, разбирая примеры из раздела 2.2.1, о конкуренции беспредложного творительного в привычной нам функции логического субъекта (агентивного дополнения), как, например, в

Однако скажут все: я был судьбою избран (М. В. Ломоносов, 1750),

и аблативной конструкции с *от* + РП, ср. примеры ее употреблений на с. 84:

В пример представляю многожды повторенный от меня стих князя Антиоха Дмитриевича Кантемира (В. К. Тредиаковский, 1735);

Такой мне от богов уже предел поставлен, | Что я хоть на сей брег от ярых волн избавлен (М. В. Ломоносов, 1750—1751).

Общепризнано, что аблативная конструкция в русском языке того времени является по происхождению заимствованной. Как показано в монографии, в XVIII в. она оказывается стилистическим вариантом творительного: в художественных текстах употребляется творительный, а в письмах и в особенности в научных текстах, — родительный с предлогом *от*. Так, действительно, бывает довольно часто с разного рода конструкциями: в ходе языковых изменений они распределяются по стилистическим пластам, так что могут служить стилистическими диагностиками текста. Однако если бы мы рассматривали современные тексты и современные конструкции, то в них стилистическое распределение, скорее всего, выглядело бы иначе: средоточием заимствований была бы публицистика. В данном случае публицистика в выборке нет, как нет и официально-деловой прозы, и получается, что на их место в каком-то смысле встает научный (тоже официальный!) и эпистолярный (в каком-то смысле — замена публицистике) дис-

курс. Кажется, что наблюдаемая эквивалентность была бы полезна для теории дискурса. Что касается художественных текстов, то они ведут себя предсказуемо: слегка «впитывают» заимствования, но быстро от них освобождаются, оставаясь по-прежнему более консервативными: в художественной прозе последних десятилетий XVIII века аблативная конструкция исчезает.

Другой примечательный пример субъектной вариативности — конкуренция беспредложного творительного с конструкцией *через* + ВП (с. 94):

Не довольно того, что я назван мятежником и пасквилянтом, но еще и конфирмацию разглашают, будто мне через графа Салтыкова [от имени императрицы] учинен жестокий выговор (А. П. Сумароков, 1767).

Согласно Н. Михайлову, А. А. Барсов в «Российской грамматике» квалифицировал эту предложную конструкцию как результат французского влияния — видимо, имея в виду отчасти сходные контексты употребления французского предлога *par* (хотя это и не прямой коррелят для *через*). Наряду с его гипотезой Н. Михайлов упоминает и гипотезу М. Мозера, который усматривает здесь «польский след». Кто из них прав — автор не уточняет, он не становится ни на чью сторону, так что читатель вправе присоединиться к любой точке зрения. Впрочем, в данном случае такая независимость от выбора интерпретации небезразлична для дальнейшего изложения.

А. А. Барсов оценивает это заимствование как недавнее — т. е. по-видимому, относит его к XVIII в., а Н. Михайлов показывает, как уже в XVIII веке оно постепенно выходит из употребления, теряя свои позиции то в одном характерном контексте, то в другом. Между тем, такие употребления вовсе не исчезли из русского языка: в имити-

рующих устный и близких устному типам дискурса они представлены и в текстах XIX—XX века, см. следующие примеры из НКРЯ:

Ну, и стал через это самое вроде последней свиньи... (Г. И. Успенский. Власть земли, 1882);

(...) я упросил его пожаловать в мою домашнюю обстановку и стал через это его хозяином и вел с ним разговор не о страданиях, а об одной комсомолке, которая (...) (М. М. Пришвин. Дневники, 1927),

а в просторечии сохранились до сих пор, ср. следующие примеры из НКРЯ:

[Лопухин:] *В земляной работе / как в любви / надо достигать определённой глубины. А ты всё сверху норювишь... копать. Поверхностный ты человек / Ваня / поверхностный. Вот / через это тебе жена и письма-то редко шлёт / вспоминать тебя / чёрта / ничем добрым не может* (Сергей Бондарчук, Михаил Шолохов. Они сражались за родину, к/ф, 1975);

[Леонид Петрович:] *А я с сукой за стол не присяду. А с тобой / видишь / присел. Знаю потому что / кто на деле падла / кто всю кофлу вашу притопил и через это судьбу тебе заделал* [Константин Мурзенко. Апрель, к/ф, 2001).

Если учитывать это обстоятельство, то замечание автора на с. 97 о том, что оборот с *через* сохраняется в современном русском либо для лица-посредника, либо в качестве устойчивых сочетаний (имеются в виду, видимо, фраземы типа *через посредство / посредничество* и, может быть, некоторые другие — примеров не приведено), не вполне точно. Стойкость оборотов с *через* подтверждает его связь с украинскими аналогами и, тем самым, гипотезу М. Мозера.

В каких именно контекстах сегодня сохраняется конструкция *через* + ВП — этот вопрос мог бы стать задачей интересного параллельного синхронного исследования, продолжающего задачу, которую решает монография Н. Михайлова.

Раздел о вариативности объекта тоже содержит подробнейший языковой материал, структурированный по основным предикатам, способным управлять творительным (владения, руководства, двигательного действия и др.). Внутри подразделов дается анализ управляемых слов, которые тяготеют к данному типу употреблений. В ряде случаев изложение переключается и с тематикой Л. Ферм, исследовавшей беспредложное глагольное управление [Ферм 2005], и с фундаментальной книгой В. Б. Крысько [Крысько 2006], аналитика которой не нуждается в пересмотре.

Как уже было сказано, третья глава книги посвящена творительному адвербиальному. Это большая и разнородная область употреблений, лингвистически интересная — во-первых, в силу высокой вариативности, а во-вторых, нестабильности: с XVIII века в целом число таких значений творительного в русском языке существенно изменилось, причем по-разному — какие-то из них упрочили свои позиции, а какие-то исчезли.

В разделе 3.2.3 прослеживается развитие творительного сравнения (ср.: *колесом за сини горы солнце красное скатилось; заливаться соловьем, парить орлом, идти цепью* и др.). Таких примеров в выборке относительно немного (всего около 60), но и на них видно, что в XVIII в. контексты, приписывающие объекту некую каноническую форму, уже довольно устойчивы, ср. (с. 175):

Он поднял пыль столбом (А. Н. Радищев, 1787—1790),

или

Смотри: как цепью птиц станции летят под небом и трубят (Г. Р. Державин, 1797).

Между тем, как считает Н. Михайлов, творительный сравнения стал использоваться как стилистическое средство не раньше конца века — а до того примеры его единичны. И, как литературный прием, соответствующие примеры, конечно, более свободны и разнообразны в сочетаемости, чем теперь, ср. нестандартное *кровь ударилась рекою* в примере из М. В. Ломоносова на с. 173:

Из раны черна кровь ударилась рекою (М. В. Ломоносов, 1750).

Сегодня такое сочетание было бы неуместно: *кровь*, конечно, может *течь рекой* — но не из одной-единственной раны: это выражение ассоциируется с батальными сценами или иными массовыми убийствами, ср. примеры из НКРЯ:

Я думал, что выражение «кровь лилась рекой» — это только поэтическая вольность, эффектная метафора. А когда на смоленской дороге в октябре 1941 года нашу Краснопресненскую дивизию, окруженную врагами, потерявшую почти все оружие, сбивавшуюся в плотную кучу все туже и туже, стали расстреливать из пулеметов, минометов, автоматов (...), я полз в придорожной канаве через трупы, и мой ватник набух от крови густо и тяжело (В. Розов. Удивление перед жизнью, 1960—2000);

В этот день кровь льется рекой, и животный страх вселяется в души случайных туристов, услышавших гул Великих барабанов, расположенных напротив статуи Бхайраба (Ю. Капишникова. Катманду — город живой богини // «Пятое измерение», 2002),

— и так же у Карамзина на рубеже веков (с. 176):

На всей равнине затрепало оружие,
и кровь полилась рекою.

Ср., однако, почти ломоносовский контекст, встретившийся в специализированном медицинском тексте конца XIX века (не убийства — но все-таки уже множественный субъект):

Кровопускание считалось необходимым чуть не при всех болезнях, почему кровь лилась рекой. Кровь пускали иногда по 3—4 раза в день (И. М. Луценко. К столетию гомеопатии // «Врач-гомеопат», № 2, с. 47—62, 1897).

В отличие от творительного сравнения, становление которого мы только наблюдаем в XVIII веке — в буквальном смысле, судя по примерам в разделе 3.2.3, беспредложный творительный причины использовался регулярно и в древнерусских, и в старославянских памятниках. В разделе 3.3.1 исследуется, в каком объеме это значение сохранилось к XVIII веку. Речь идет о примерах типа (с. 183):

Ярославом мы и храбрым Мономахом | Достигли, как враги взирали к нам со страхом (М. В. Ломоносов, 1754).

Спасаясь от врага, другими пал врагами (В. А. Озеров, 1798).

В современном русском от всего этого круга употреблений остались жалкие «осколки», вроде умерла *родами* (= 'по причине родов', хотя даже и в этом реликтовом контексте не исключена чуть более распространенная в целом в современном языке темпоральная интерпретация 'во время родов'), поэтому нам естественно воспринимать причинные употребления как нечто особое и экзотическое, не связанное со всей остальной системой. Между тем, на тот момент, когда причинный творительный был еще продуктивен, возможно, он воспринимался как тесно связанный

с тем, что мы теперь называем агентивным дополнением, ср.: *уморить голодом* (агентивное дополнение) и *умереть голодом* (причина).

Причинное употребление творительного фактически ушло из языка, но процесс его ухода фотографически зафиксирован в книге Н. Михайлова, и, повторим еще раз, такого рода материал, описывающий распад фрагмента категории, как кажется, чрезвычайно значим для теории. В частности, материал Н. Михайлова показывает нам, как перед тем как исчезнуть, причинный творительный «задерживается» в компактной группе экспериенциальных глаголов с обязательным стимулом-причиной, т. е. в своего рода «сильных» для него контекстах, ср. глаголы *скупать*, *страдать*, *беспокоиться*, *веселиться* и под. (с. 189):

Мы с великим князем очень огорчились этой отставкой (Екатерина II, 1771—1772).

Тем временем в русском языке происходят другие процессы, затрагивающие причинное значение: оно закрепляется за предложным сочетанием с предлогом *за*, ср. в примерах со с. 194: *за неимением*, *за недостатком*, *за незнанием*, *малолетством* и проч. и утрачивается у предлогов *ради* и *для*, ср. старые, причинные употребления, которые приводятся на с. 200, такие как

Сии ради малолетства, она для старости не могли стать против тяжкой силы печенужской {...} (М. В. Ломоносов, 1754—58).

Основой для такой «специализации», как считает автор, является многозначность оборотов *для* + РП и *ради* + РП, которая «приводила к ненужной двусмысленности, когда *для* затруднения могло восприниматься и как 'по причине затруднения', и 'с целью затруднить'». Наверное, в определенном смысле

Н. Михайлов прав — и все-таки заметим, что граница между причиной и целью часто довольно эфемерна: не случайно во многих языках вопросительные местоимения со значением причины и цели почти не разведены. Таково, например, английское *why* или французское *pourquoi*; русское *зачем* в недавнем прошлом было таким же, ср. пушкинское: *Зачем* (= 'почему') *Арана своего младая любит Дездемона?*

Другое дело — оценка события: положительная или отрицательная. Оценочная дихотомия достаточно часто поддерживается лексическими средствами — есть целые ряды оценочных антонимов, прежде всего, признаков, но не только (*хороший* — *плохой*, *глупый* — *умный*; *попасть* — *промахнуться*, *выиграть* — *проиграть* и под.). Понятно, что в том же ряду могут стоять и конструкции: причинная семантика, закрепляющаяся за конструкцией *с за*, как правильно замечено на с. 193 сл., сугубо отрицательна: это то, что не позволяет действию осуществиться. Целевая семантика конструкций *с для* или *ради* — наоборот, желаемое и, как правило, положительное событие.

Более того, и сама конструкция *за* + ТП, как следует из раздела 3.5.2, в XVIII веке, как и в наше время, обозначала цель, ср. на с. 238:

Уж не послать ли за доктором в город? (Д. И. Фонвизин, 1781)

Ср. также из примеров Н. Михайлова: *за тюленями*, *за водой*, *за деньгами*.

Отсюда видно, что язык легко «разрешает» одно и то же средство для причины и цели, но между соответствующими употреблениями вырабатываются сочетаемостные различия: в данном случае в качестве причин выступают (как правило, неконтролируемые) события, процессы или свойства, а в качестве цели — предметные имена или лица.

Любопытно, что в то же время действуют две параллельные не-инструментальные конструкции *с по* с тем же семантическим распределением: одной стороны, причинная *по* + ДП, ср. *по слабости здоровья*, *по неизвестности*, *по возрасту*, *по неосведомленности*, тоже описывающая отрицательно оцениваемые препятствия к совершению действия, с другой стороны, целевая *по* + ВП: *по воду*, *по ягоды*, а также (с. 240):

Я послала по Графа Чернышева (Екатерина II, 1777).

Но и это не все: в то же самое время *за* могло вводить и «положительную» причину — но в рамках другой конструкции (сохранившейся и продуктивной в наше время) — не с творительным, а с винительным падежом (с. 196—197), ср. *благодарение за старание*. Мы видим, как в XVIII веке для нее формируется современное значение похвалы/наказания, а конкурирующие употребления с семантикой препятствующей причины тогда же уходят из языка, ср.

И хотя бы о пользе миромудрия мог вам обстоятельнее изъяснить, но за краткость времени оставлю (В. Н. Татищев, 1733).

Как видим, XVIII век представляет для русского языка уникальную возможность наблюдать процессы живой конкуренции значений, которые приводят к действительной перестройке синтаксиса. Это демонстрирует нам и монография Н. Михайлова. Позднее норма становится много жестче и перемены замедляются, а для столь же тщательного мониторинга более ранних периодов нам не всегда хватает языкового материала. Поэтому так важно, чтобы все языковые данные по этому периоду (конечно, включающие анализ официально-деловых текстов) были как можно скорее обработаны и введены в оборот теоретической лингвистики, описывающей общи принципы языковой

перестройки и семантических сдвигов. Результаты Н. Михайлова уже и сейчас могут быть использованы в этих целях. Другое применение они могли бы найти в корпусной грамматике современного русского языка, соединяющей синхронию и диахронию. Такого проекта пока нет, но чтение монографии настолько увлекательно, что хочется его придумать.

Литература

- Живов 2006 — В. М. Живов. Рец. на кн. [Ферм 2005] // ВЯ. 2006. 5. С. 139—146.
- Крысько 2006 — В. Б. Крысько. Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. М., 2006.
- Ферм 2005 — Л. Ферм. Вариативное беспредложное глагольное управление в русском языке XVIII века. Stockholm: Södertörns högskola, 2005.
- Janda et al. 2013 — L. Janda et al. Why Russian aspectual prefixes aren't empty: prefixes as verb classifiers. Bloomington, IN: Slavica. 2013.
- Krasovitsky et al. 2008 — A. Krasovitsky, A. Long, M. Baerman, D. P. Brown, G. G. Corbett. Predicate nouns in Russian // Russian Linguistics, 2008, 32.2. P. 99—113.
- Krysko 2006 — V. B. Krysko. Istoricheskiy sintaksis russkogo yazyka: Obyekt i perekhodnost. Moskva, 2006.
- Zhivov 2006 — V. M. Zhivov. Retsenziya na knigu [Ferm 2005] // Voprosy jazykoznanija. 2006. № 5. S. 139—146.
- D. P. Brown, G. G. Corbett. Predicate nouns in Russian // Russian Linguistics. 2008. 32 (2). P. 99—113.

References

Ferm 2005 — L. Ferm. Variativnoye bespredlozhnoye glagolnoye upravleniye v russkom yazyke XVIII veka. Stockholm: Södertörns högskola, 2005.

Janda et al. 2013 — L. Janda et al. Why Russian aspectual prefixes aren't empty: prefixes as verb classifiers. Bloomington, IN: Slavica. 2013.

Krasovitsky et al. 2008 — A. Krasovitsky, A. Long, M. Baerman, D. P. Brown, G. G. Corbett. Predicate nouns in Russian // Russian Linguistics, 2008, 32.2. P. 99—113.

Krysko 2006 — V. B. Krysko. Istoricheskiy sintaksis russkogo yazyka: Obyekt i perekhodnost. Moskva, 2006.

Zhivov 2006 — V. M. Zhivov. Retsenziya na knigu [Ferm 2005] // Voprosy jazykoznanija. 2006. № 5. S. 139—146.

Е. В. Рахилина

Рецензия поступила 14.11.2013.